

так и коллективы, возникшие на чисто хозяйственных основаниях, автор в первой части своей работы описывает главным образом второй вид неродственной задруги. Как указывает автор, такая задруга обычно является результатом договорного соединения двух или нескольких малочисленных и малоимущих семей в целях улучшения своего экономического положения. Справедливо указывая на материальные потребности и интересы как основную причину образования такого рода задруг, автор, однако, не проводит достаточного различия между данным неродственным коллективом, в известной мере близким типу так называемой «договорной семьи», с одной стороны, и другим типом задруги, относимым автором к тому же виду неродственной задруги, который все же не чужд родственного начала в виде свойства, побратимства и пр. Возникновению неродственных задруг, по мнению автора, способствовала фискальная налоговая система, при которой налоги распределялись по домам, а не по семьям или по размеру имущества. Проследивая территориальную распространенность «неродственной» задруги, автор приходит к заключению, что наибольшее число ее падает на территорию бывшей Военной границы в Хорватии и Славонии, чему способствовала, по мнению автора, колонизационная политика австрийского правительства. Другой вид задруги, именуемый «предвојена» или «раздвојница», в свою очередь тоже широко распространенный, представляет собой семейную общину, члены которой, связанные действительным родством, несмотря на отсутствие общности территориальной, сохраняют общность хозяйственную и идеологическую. В некоторых районах такая задруга является результатом перенаселенности и безземелья и вызванной этим необходимостью покупки земли в отдаленных районах. Чаше существование «раздвојниц» обусловлено скотоводческой формой хозяйства, заставляющей некоторых членов задруги проводить большую часть времени на пастбище. В обоих случаях все члены задруги представляют собой единый хозяйственный коллектив, владеющий общим сельскохозяйственным инвентарем и на коллективных основаниях распределяющий продукты своего труда. Такая задруга возглавляется одним домашним, который периодически посещает отдельные части задруги, распределяет работу, контролирует ее выполнение и т. д. Проследивая на большом материале территориальную и историческую распространенность всех указанных видов задруги, автор приходит к выводу, что задруга вообще представляет собой, как выражается автор, весьма «эластичную» форму, которая легко приспосабливается к изменяющимся условиям и потребностям. Исчезают старые задруги, но не пропадает задруга как форма народного быта». Заметим все же, что автор соединил в своей работе в основном две формы производственных коллективов, исторически совершенно различных. «Раздвојница», основанная все же на полностью сохраняющемся родственном начале, от архаичного, свойственного родовому строю, типа задруги отстает только тем, что в силу привходящих новых экономических условий нарушает свое территориальное единство. Иное дело задруга договорного типа, представляющая собой сравнительно позднюю форму, предполагающую полный распад родовых связей и лишь по форме наследующую задружное начало, что, впрочем, автор и отмечает.

Работа д-ра М. Филиповича имеет большую ценность, представляя собой довольно обширное собрание конкретного материала, как литературного, так и собранного самим автором в его полевых исследованиях. Материал этот хорошо сгруппирован и четко характеризует описанные автором виды задруги. Исследование этих видов задруги значительно расширяет и уточняет наши представления о югославянской форме семейной общины и еще раз демонстрирует ее замечательную стойкость. Рецензируемая книжка — значительный вклад в литературу о сербской задруге.

И. Прокопович

Миленко С. Филипович, *Галипольски срби*, Београд, 1946, 124.

Основательное и разностороннее описание остававшейся почти совершенно неизвестной в этнографической литературе группы сербов-галипольцев, поселенцев Пехчева (Македония). Описание это основано исключительно на материале, лично собранном автором во время его поездки по Южной Сербии и Македонии осенью 1937 г. Современное население Пехчева, как установил автор, составляют сербы, в течение нескольких столетий жившие оторванно от родины на Галипольских полуостровах, в селах Байрамич и Караджа. Все это время они находились под сильным греческим и турецким влияниями, несмотря на что во многом сохранили свои национальные черты. Знакомство с местным наречием, подробный фонетический, грамматический и синтаксический анализ которого дан автором, приводит его к заключению, что это наречие принадлежит к косовско-ресавскому диалекту сербского языка. Останавливаясь в области материальной культуры на занятиях населения, местных сельскохозяйственных орудиях, жилище, автор особенно подробно описывает местный костюм, сохранивший некоторые черты старого национального сербского костюма. Хотя задружное начало у галипольских сербов претерпело сильное разложение, однако и в настоящее время встречаются немногочисленные задруги и в полной силе сохраняется среди односельчан взаимопомощь в сельскохозяйственных работах. Духовная культура галипольских сербов, подвергшаяся, в особенности, влиянию

соседней греческой культуры, сохранила, наряду с общеславянскими элементами, характерные черты, присущие славянам Балканского полуострова. Автор, в частности, подробно останавливается на обычаях и обрядах, сопровождающих праздники годового цикла, в том числе на характерном для южных славян празднике «славы». Автор указывает, что в прошлом семейно-родовая «слава» существовала у всех галипольских сербов, в настоящее же время, под влиянием греческой церкви, вытеснена днем именин. Как нам кажется, судя по материалу автора, «слава» здесь продолжает все же существовать в форме семейного почитания икон. Воспоминанием об имевшем некогда место празднике сельской «славы» является существующий в настоящее время обычай ношения всем селом икон на второй день пасхи («служи»). Большой интерес представляет, наряду с подробным описанием обрядно-магических процедур, сопровождающих рождение, вступление в брак, смерть и погребение, собранный автором материал по народной медицине и местному фольклору. На основе анализа материальной, общественной и духовной культуры галипольских сербов, автор приходит к выводу, что их первоначальным местом поселения была область Моравской Сербии, откуда они были переселены турками в конце XVI — начале XVII в., что подтверждают и местные народные предания. Работа д-ра М. Филиповича, дающая впервые подробное описание быта и культуры особой группы сербских переселенцев, является ценным вкладом в южнославянскую этнографическую литературу.

И. Прокопович

НЕСЛАВЯНСКИЕ НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Joseph-Stany Gauthier, *Les maisons paysannes des vieilles provinces de France*, Paris, 1941, 253.

Как указывает автор, его работа вызвана желанием зафиксировать быстро исчезающие оригинальные образцы сельской архитектуры Франции и обратить внимание молодых архитекторов на некоторые положительные стороны старинного жилища французского крестьянина: четкость структуры, прекрасную функциональную приспособленность, гармоническое сочетание с окружающей обстановкой.

Автор начинает с общих замечаний, касающихся местоположения, ориентировки поселений и отдельных строений, строительного материала, некоторых конструктивных деталей и пр. Характер сельских построек, пишет автор, определяется преимущественно местным строительным материалом. Земля, камень, лес, используемые отдельно или комбинированно, создают местные специфические формы. Указывая на разнообразие отправных точек в классификации сельского жилища (форма крыши, характер строительного материала, географическая распространенность и пр.), автор полностью не присоединяется ни к одной из них. Основное содержание работы Готье составляет подробное описание крестьянского жилища по отдельным старым провинциям Франции. Не отрицая возможности частичного внутреннего и внешнего взаимовлияния отдельных архитектурных форм, автор считает, однако, что каждой из этих провинций присущ особый и глубоко характерный тип жилища, лишь в редких случаях выступающий за ее пределы. Начав свои описания с примитивных форм жилища (пещеры, хижины, шалаша), сохранившихся до настоящего времени в некоторых районах Франции, автор в последующих главах, наряду с краткой географической и исторической характеристикой рассматриваемой провинции, подробно описывает местоположение отдельных типов жилища, их планировку, внешний вид, внутреннюю обстановку, конструктивные детали и т. д.

Работа Готье, показывающая замечательное разнообразие крестьянского жилища Франции и его весьма оригинальные формы, имеет большой интерес для исследователя народного жилища. Ценность представляет собой большое количество прекрасно выполненных фотографий и зарисовок автора, а также обширная библиография предмета.

И. Прокопович

Arnold van Gennep, *Le folklore de l'Auvergne et du Valay*, Paris, 1942, 371.

Настоящий труд известного французского фольклориста Арнольда ван Женнеп относится к серии его работ под общим названием «Contributions au folklore des provinces de France» (tome V). Работа написана в основном еще в период прошлой мировой войны и касается, как видно из заглавия, фольклора старой французской провинции Овернь. Хотя и существует обильная литература по фольклору этой провинции, однако многие стороны ее фольклора до последнего времени оставались не освещенными или плохо исследованными. Данная работа восполняет этот пробел и является как бы сводкой всего того, что сделано во Франции по данной, весьма интересной для фольклориста, провинции. В книге богато представлены местные легенды, поверья, описания народных игр, народной медицины, сельских ремесленных профессий. Особый упор делает автор на описание семейных и периодических обычаев и обрядов. Материал, собранный в кантонах Пью де Дом, Верхней Лузур и